

Илья УРИЛОВ

Родился в 1956 году в городе Дербенте. С отличием окончил исторический факультет Дагестанского государственного университета. Академик РАН, Председатель редакционного совета и главный редактор альманаха «Вестник истории, литературы, искусства».

БЕН ОРИОН

Мои друзья уходят к звездам
И греют Землю свысока.

Я. Волиру

Наконец-то мне удалость сесть и написать послесловие к книге, посвященной памяти Бориса Львовича Васильева. Чрезвычайно ответственное поручение.

Рукопись получил в день отъезда. Казалось, только вчера нас покинули Васильевы. Друзья спешат, чтобы книга увидела свет к юбилею Писателя. Одним словом, форс-мажор. Ну а мы, русские, любим экстрим. Нам и не привыкать. Хотя наряду с грянувшим юбилеем нашего Героя есть и важнейший позитивный смысл быстро сделанной работы - это статьи старших по возрасту друзей Васильевых. Однако заранее приношу свои извинения читателям, близким и друзьям Васильевых за издержки и качество моего письма.

Нелегко. Пишу урывками, как выпадет свободная минутка. Нахожусь в долговременной поездке по Соединенным Штатам Америки, переезжая из штата в штат.

В Индианаполисе (штат Индиана. - *И.У.*) сегодня пятнадцатый день апреля. Утром шел дождь. Резкий ветер. Видимо, к снегу.

Ощущение сумерек. Грустная погода. Полна меланхолии. Капризная весна по обеим сторонам Мировых океанов: и в Америке, и в России...

С утра шквал звонков. Близкие и друзья поздравляли с первым днем Иудейской пасхи - Песаха. Звонил, но не дозвонился и лучший друг Васильевых - Сергей Александрович Филатов. Не дозвонился и я ему. По всей вероятности, беспокоится по поводу сроков издания книги. 21 мая - девяностолетие Бориса Львовича Васильева.

* * *

В лесу под Солнечногорском теперь тишина. И зори там - «тихие-тихие». На нас и на лес обрушилась абсолютная тишина Васильевых Зорь.

Вначале унес Всевышний Зорю Альбертовну, а вслед за нею устремился и Борис Львович. Он всегда за ней, «шаг в шаг.». Ушло Земное Служение.

Но «Свет неугасимый» не погас. Открылось небесное Сияние. У Васильевых было и есть много талантливых друзей - Татьяна Кузовлева, Александра Очирова и Любовь Стеклова. Будучи прекрасными поэтами и небесными созданиями, они посвятили Борису Васильеву немало стихов, где есть место и таинству, и звездам, и вечности. Приведу несколько строчек Любви Стекловой:

*...Иказалось, что где-то
За млечным путем
Существует надежда на вечность.*

В случае с Васильевыми «надежда на вечность» превратится в искомое - в вечное Сияние.

Они, конечно, взяты на Небо. Вдохновенны слова трепетной, но удивительно преданного Друга Васильевых Т.В. Кузовлевой: «По неоткрытым законам единства времени и пространства, по неразделимости воображаемого и реального миров я вижу увозящих его с земной ярмарки на другую - небесную - коней, которые уже не летят, а бредут мерным шагом, не останавливаясь, все дальше и дальше, все выше и выше, пока не растворятся то ли в нежно-голубом мареве, то ли во влажном тяжелом предвесеннем

снегопаде». Далее она ссылается на едущего с «ярмарки» Бориса Васильева: «. я буду лежать, закинув руки за голову, смотреть на далекие звезды.». И как тут не вспомнить его слова об алом расвете завтрашнего дня.

Васильевы принадлежат вечности. И не потому ли с закончившейся «ярмарки» жизни их забрала библейская колесница,

управляемая Моисеем и Ильей. И не Пророком ли России назвал Васильева замечательный русский Человек с васильевской «военной косточкой» Анатолий Ермолин... Да и жил наш Отшельник словно пророк Илья в пустыне... И, согласно Кузовлевой, - с пророческой миссией интеллигента. Задирая головы, мы можем увидеть сияние Сына Неба - Бена Ориона.

Вероятно, неспроста пришло такое название для послесловия к книге о великом писателе. Если слово «Бен» означает «Сын», то созвездие Орион в Древнем Египте считалось «Царем Звезд». А в Вавилоне Орион означал «Верный Пастух Небес», на Руси созвездие называлось «Кружилие», а у инков - «Чакра». И наконец, в древнегреческой мифологии «Орион - это знаменитый охотник, отличавшийся необычайной красотой и таким ростом, что его иногда называли великаном. И это все о них, Васильевых, у которых даже родовое имя называлось «Высокое». Да и на Земле они были великанами и детьми Неба. По существу Васильевы, конечно, дети, потому что только у детей такое пронзительное восприятие добра и красоты. А он еще был и Сыном Ориона. Вот кто воистину сын... Много лет я неустанно просил о продлении их жизнью, сопротивлялся его словам: «Я еду с Ярмарки. Помашите мне вслед.» А теперь я машу не вслед, а задираю голову к небу, нахожу созвездие Ориона, зову, машу рукой и начинаю говорить с З.А. и Б.Л. Васильевыми.

Два дня назад заезжал в город Талса (штат Оклахома. - *И.У.*) проведать великого Друга Евгения Александровича Евтушенко, героически, как и вся его жизнь, держащего удар тяжёлой болезни. Когда сказал ему, что собираюсь писать о Васильеве, первое услышанное слово было: «достойный человек». Вот и рукопись памяти Васильева, которую я держу в руках, - искренняя, цельная, добротная, поразительно соответствует духу Васильевых и удивительно достойная... Воспользуюсь предоставленной возможностью и поклонюсь до земли всем авторам. Храни Вас Б-г!

* * *

На протяжении десятилетий люди ездили едва ли не сотню километров к Васильевым, в Дом под Солнечногорском. «Когда внутренний голос требовал побыть рядом с этими удивительными

людьми...» - подмечает С.А. Филатов. И, действительно, по зову сердца, ума и души мы все тянулись к ним. «Знакомый поворот с Ленинградской трассы впервые не щемил сердце приятным ожиданием встречи с добрыми мудрецами, которые ещё помнили, как надо жить среди людей», - вспоминает Анатолий Ермолин. Читаешь эти строчки, а слёзы, словно капли крови, сочатся...

Снова возвращаюсь в чудесный мир русской поэзии, цитируя отрывки стихотворения Татьяны Кузовлевой, прижизненно посвящённого Борису Васильеву:

По тропинке сырой. Вслед за Вами. К ступеням крыльца

Я боюсь затенить, оборвать, погубить волшебство

Потому мне так дорог в чащобе затерянный дом

И потом - за ступенькой ступенька всё выше и выше...

Их дом для всех друзей был «дыханием лесным». Это глоток чистого (прежде всего духовно-нравственного) воздуха, очищающего наши «затравленные» души. Как дорог этот дом, какой дух витал здесь, какими удивительными людьми были Васильевы...

Читая и перечитывая вышеупомянутое стихотворение, каждый раз солидаризируешься с её мыслью, что они нас действительно поднимали «всё выше и выше». Наши беды погубили «волшебство» Васильевых зорь.

Ещё раз к поэзии Александры Очировой:

В глубинном таинстве колодца

Не сосчитать ни звёзд, ни туч,

В нём никогда не оборвётся

Сошедший с неба солнца луч.

Гармония и покой этого дома, безусловно, в «глубинном таинстве колодца», куда мы, все их друзья, стремились наведываться, чтобы испить из «таинств» чистой и «живой» воды... Горюю, что в последние годы редко находился в Москве, не допил из родника Васильевых и не додал им тепла и внимания. Горю в огне нехватки

времени. Грустно, больно, печально. Ушёл кусочек, благодатный островок не только нашей жизни, но и нашей страны. По правде этот Дом был одной из территорий нашей свободы...

Несмотря на то, что Васильевы Зори занимают лишь небольшой кусочек земли, тем не менее, её можно считать - акваторией, анклавом, ареалом Добра, ибо тысячу раз прав Друг Васильевых Александр Макаренко, сказавший, что чета отшельников создала храм по имени Добро...

Один из старейших Друзей Васильевых - Леонид Жуховицкий - вспоминает состоявшийся разговор между ним и Борисом Васильевым: «Однажды Боря задал неожиданный вопрос: А знаешь, кто лучший писатель в мире? Я пожал плечами. - Диккенс, - сказал Васильев. И объяснил: - Потому что добрый. Для него этот критерий был бесспорен».

Даже собаки у них были добрые и гостеприимные.

Если доброта есть прекрасное, то она спасёт мир. Только так и не иначе.

Однажды, когда все вышли из дома, Зоря Альбертовна посмотрела на меня и обронила чудесную фразу, которая врезалась мне в память навсегда: «Илюша, чем больше знакомых и приятелей, тем лучше». Пока я обдумывал эту мысль, кто-то вошёл и разговор прекратился...

И Васильевы, и их Дом стали родными, а теперь даже их близкие и друзья воспринимаются как родственники. И как тут не вспомнить слова Бориса Васильева: «Все люди родные - мы все из чрева Евы...»

И когда это правило стало аксиомой и помня, что 8 июля Борис Львович ушёл семнадцатилетним пареньком добровольцем на фронт, один из своих дней рождения, 8 июля 2005 года, отмечал с Васильевыми и с моей семьёй в их Доме. Скромно, трогательно, достойно...

Есть чудесные фотографии этого дня: с тортиком со свечками, дома, во дворе, где они чрезвычайно тепло и долго нас провожали. Ввиду того, что наша квартира находится в долговременном ремонте, а все вещи в коробках отправлены ко мне на работу, да к тому же и не нахожусь в Москве, нет возможности опубликовать какую-либо фотографию той памятной поездки.

Держу в руках записи, сделанные по дорогам Вирджинии, одного из самых прекрасных штатов Америки. Вот что я написал: «Читая рукопись вдали от Родины, мне остро захотелось ещё раз крепко и долго (такие действия с Васильевым мы совершали каждый раз при встречах) обнять Зорю Альбертовну и Бориса Львовича.

Читаю статьи и снова, и снова плачу... Господи, как же я любил этих стариков. Нет-нет, не этих, а моих стариков.

В какой-то момент машина проезжает мимо маленького и как всегда ухоженного кладбища...»

А Васильевы Зори... Обитель великих отшельников, а какая неустроенность, неухоженность... Когда же мы обустроим свою страну?! «Ведь по отношению к своим старикам можно судить о нации и государстве в целом, судить трезво и бескомпромиссно», - заключает великий Друг Васильевых, другой отечественный Классик Эльдар Рязанов.

Соединённые Штаты далеко не идеальная страна, но налицо стремление к лучшей жизни. У них много всего, что нам категорически не подходит, но то, что рационально с точки зрения здравого смысла, не помешало бы перенять.

Объездивший вдоль и поперёк Америку, каждый раз удивляюсь не только ее природе, но и дорогам, и инфраструктуре, и ухоженности, красоте, которые вызывают умиление. Американцы порой и ошибаются в каких-то шагах, особенно по международным вопросам, но кто не грешен... Зато за своих людей, для своей страны делают невообразимо много.

На эту страну не нарадуюсь, за свою сердце разрывается... Убогие мы...

Вы чьё, старичьё?

Моё, моё...

Но в самые последние годы их жизнью из-за моих бесконечных зарубежных поездок и из-за того, что на моих плечах лежит задача оказания внимания большому числу пожилых друзей, я не в полной мере мог оправдывать этот ответ.

Эти годы, которые были самыми тяжёлыми для Васильевых, мы, все их друзья, занятые своими заботами и проблемами, всё реже приезжали к старикам, которые более чем когда-либо нуждались в нашей поддержке...

Возможно, прав мой бесстрашный и благородный Друг Толя Ермолин, сославшийся на строки Николая Гумилёва:

*Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.*

Лишь добавлю: наши странствия - не земная ли суета?

Утром восемнадцатого апреля мы выезжаем из Омахи (штат Небраска. - *И. У.*) в Денвер (штат Колорадо. - *И.У.*). Мог ли представить, что в любимом с юности городе окажусь не раз и не два? Но Б-г с ним. Отвлекаюсь...

За сорок дней пребывания нам необходимо проехать многие штаты и посетить памятные места, необходимые для моей будущей книги.

Следовательно, мы мало спим, мало едим, много ездим и уже, думаю, мало соображаем. При этом продолжаю писать послесловие.

Прорезав Небраску насквозь, безупречными горными дорогами (около четырёх тысяч над уровнем моря), наконец-то, увидели бесподобную гряду белоснежных вершин Колорадо... Казалось, эта армада своим мужеством и красотой взяла нас под крыло, защищая от преследований гроз и молний, принимая яростные удары стихии на себя...

Проехали девятьсот километров пути. Тем временем довёл своё повествование до истории великой Любви Васильевых. И тут такое. Надо же! Очередной раз заправляем машину бензином. И в магазине на заправочной вижу стеклянный сувенир в виде сердца. Не раздумывая покупаю. На нём надпись: дважды большими буквами слово «Любовь» и текст из трёх строк. Время неуловимо. Завтра уже Христианская Пасха. И в магазинах много сувениров с христианской символикой. Вскоре узнаю, что текст на английском языке - это строки из тринадцатой главы Первого послания святого апостола Павла к Коринфянам. Словно устами Васильевых Павел произносит:

*Любовь долго терпит,
Всему верит,
И всё переносит.*

Немного о Любви.

О Любви редчайшей крепости и продолжительности - почти в семь десятилетий.

«Век необычайный» подарил нам величайшее сокровище мира - чету Васильевых.

«Боря был олицетворением благородства», - замечает Э.А. Рязанов. Ему в тон отвечает А. Ермолин, называющий Бориса Васильева - Рыцарем, а его любимую женщину - Прекрасной Дамой.

Лишь добавлю, что Зоря Васильева являлась ещё и мудрой хозяйкой Дома.

Самая юная и трепетная, самый чистый и светлый огонёчек из друзей Васильевых, Анна Григорьева, заметила, что Васильевы - «неделимое целое». Да, это так, потому что и жизнь, и смерть доказала их неделимое Счастье...

Зоря Альбертовна - равная Борису Львовичу величина. И она, Анечка Григорьева, словно весенняя птичка, щебечет и вторит Борису Васильеву: «Зоря Альбертовна - зоренька, солнышко, которая озаряет собою всё вокруг». И он, Борис Васильев, человек редкого благородства и чистоты, не раз писал и говорил всем друзьям: «Я ведь и писать начал только ради неё - моей Зореньки!» И мне не раз говорил, что без Зори ничего бы не написал...

Васильевы - неразделимая пара. Когда говоришь об одном, подразумеваешь другого, здесь нет ведущего и ведомого, оба - первые скрипки. И они не два лика одной медали. Они - на одной стороне, на другой - добро и любовь. Прав Л. А. Жуховицкий, когда говорит, что это настоящая, а не выдуманная история любви каких-то мифических влюблённых. Самая реальная и великая любовь. Остаётся добавить, что если встречаются рыцари и прекрасные дамы в современном мире, то они - первые среди равных.

22 сентября 2012 года в день свадьбы моей дочери Лизы Зоря Альбертовна и Борис Львович отправили новобрачным видеопоздравление и прислали им свадебным подарком свои произведения в массивном однотомнике. Очень сожалею, что ввиду чрезвычайной

ситуации не могу опубликовать этот удивительно тёплый, сердечный, мудрый автограф Бориса Васильева с подписью З. А. и Б. Л. Помню лишь первую строчку: «Бесконечно дорогие Лиза и Малхаз, мы прожили в браке 66 лет...».

«Её уход по родным и друзьям ударил, а Борю - убил... Практически он умер в тот же день, что и она, просто его умирание растянулось на два месяца», - заключает Жуховицкий. Действительно, по родным и друзьям ударило наотмашь, кувалдой, но лишь со временем больше и больше ощущаешь силу удара. Солидаризируюсь ещё раз с русским офицером Ермолиным, который образно, но по сути точно, подметил, что ушла душа (видимо, и душа у них была одна на двоих) и Борис Васильев, словно Андреевский флаг, был изрешечен пулями на крейсере «Варяг». Да-да, она была Андреевским флагом, он - крейсером «Варяг».

* * *

Возвращаюсь к первым дням поездки. Помню, что в те дни раздумывал о жизни и смерти, об исходе Васильевых. Перебираю свои заметки... И вот читаю: «По дорогам Пенсильвании к могиле Бена Франклина. Стремительный уход Васильевых - общее ранение всех их друзей. Заслуга Всевышнего, что не смертельная». Вспомнились слова Бориса Васильева касательно войны: «...когда тыла нет и любое ранение - это смерть».

Б. Л. Васильев ревел, когда смотрел фильм Юрия Кары «Завтра была война». Читая искренние стихи покойного Друга Владимира Савельева Борису Васильеву, казалось, что слышит его голос и «слёзы застилают глаза», и продолжал: «...нет, это не старческая сентиментальность, а мужская молчаливая тоска по безвременно уходящим. Все мы умираем не вовремя».

Теперь мы ревём. Точнее, мы и тогда ревели. Но кровь продолжает проистекать, согласно Васильеву, «маленькими капельками».

Васильевы как никто любили свою страну. Не только как её защитники, но, я бы сказал, по природной, если хотите, атавистической сущности, генетической волны связи времён и поколений. «Чувство подлинной любви, любви к своей стране было в его крови», - подчёркивает Э.А. Рязанов. Доблестный Друг Бориса Ва-

Васильева Александр Минкин, отметив, как бесконечно любил Васильев Родину, добавил: «...Можно сказать, что они умерли вместе». Возможно, и прав Минкин, что с четой Васильевых умерла и страна, а может... и мы... Так же горько, грустно и печально выскажется Анатолий Ермолин: «Страна, кричащая по поводу и без повода историческое "Ра-си-я!", не заметила ухода своего Пророка».

Народ и власть, пренебрежительно прощающиеся с Человеком, беззаветно любившим и бесконечно возвышавшим Россию, по меньшей мере - не здоровы... Подобные потери разрывают силу и дух страны. В своей собственной стране мы живём, как каторжане. Нет размаха, нет полёта, нет свободы, нет жизни...

Пишу эти строки по дорогам Америки, уже говорил, что собираю материалы для книги «Пантеон американских Президентов». В Пантеоне Земли Русской должны были лежать Васильевы, а не на задворках Ваганьковского кладбища, но успокаивает Небо: тела - бранны, души - светятся в сердцевине Ориона...

Васильевы ушли, чтобы соединить нас с другими мирами. У них только Миры, Антимиры - невозможны...

* * *

Удивительно творчество писателя Бориса Васильева. Откуда эта фантастическая пронзительность?! Даже читая книгу воспоминаний о нём, ревёшь и ревёшь, словно маленькое дитя.

Перефразируя Алину Покровскую, скажу о пронзительной и щемящей родниковой чистоте как творчества Васильева, так и Человека.

В нём было неизмеримое чувство Любви. Не только к стране, к родителям, к супруге, к родным и близким, но и к каждому живому существу... «...Здесь вся его натура, - скажет Эльдар Рязанов, - цельность, чистота, которые вели его руку, его перо».

Несколькими мазками, штрихами определит суть Васильева и Алексей Симонов, сказав, что он как человек не был подвержен девальвации, являлся несравненным историком и что «Борис был легендарной фигурой».

Борис Васильев, прежде всего и больше всего, был Человеком чести и долга. Вечный, неоплатный, цельный долг перед семьёй,

людьми, Отечеством - сквозной долг времени. Для него это было законом, главным правилом жизни.

Легендарность Васильева проистекает из многих истоков. Основные те же, но сюда надо добавить историю и литературу. Он в детстве хотел быть историком и стал им, и потому через его произведения лучше всего постигать историю и жизнь. В нём всё было целомудренно. Потому пытливая и ясная молодёжь, подобная А. Григорьевой, констатирует: «Борис Львович - необыкновенный человек. По его книгам можно изучать историю, учиться чувству долга, чести и совести, воспитывать в себе культуру».

Если Борис Васильев говорил, что «все мы не вовремя уходим», то Зоря Васильева в разговоре с Другом семьи Владимиром Карнюшиным грустно заметила: «Надо умирать вовремя». Да, конечно, читатели уходят: одни в иной мир, другие уехали из страны, третьи остались в иных республиках... но твёрдо уверен в одном: время будет вновь и вновь рождать читателей книг Васильева. И «за радость чтения» (совершенно точное и замечательное выражение дано Владимиром Королёвым) многие представители новых поколений будут благодарны Борису Васильеву.

И пусть никогда не кончается время писателя Васильева и не иссякает читательская река его книг, потому что такая литература улучшает природу человека, которая не часто подвержена изменениям. Творчество Васильева - воздушная дорога Восхождения человека.

Много родников в России. Один из них находился в Васильевых Зорях. Живой источник иссяк, литературный - течёт. Не дайте ему засохнуть - читайте...

Васильевы были на удивление скромными людьми. «Я люблю людей незаметных», - говорил Борис Васильев. Как-то они гостили у меня на даче. Перед их отъездом сидели на скамейке во дворе. Зоря Альбертовна, глядя на дом в четыреста метров, сказала, что они не смогли бы жить в таких хоромах.

Вновь вернёмся к Анне Григорьевой, чтобы развеять её сомнения: «...сердце сжимается от переживаний за его героев, кажется, что мы в чём-то виноваты перед ними. Мы вправе задать себе вопрос, как бы мы жили в то трудное время? Действительно ли мы виноваты перед тем поколением? Трудно ответить».

Права Аня... Я всю жизнь чувствую вину перед героями предыдущих времён моей Родины. Как только у нас в стране всё обрывается, лишь тогда уйдёт чувство вины перед ними, их души будут умиротворены в покое, и мы будем счастливы.

М.Е. Швыдкой говорит о жизни Васильева как о большой линии истории. И можно оспорить мнение о том, что писатель был «закрытым» или «застёгнутым на все пуговицы». По крайней мере, последнее десятилетие его жизни ничего подобного не замечал.

Замечательный литературный критик Евгений Сидоров заключает, что Борис Львович Васильев останется в истории нашей литературы, прежде всего, как автор повести «А зори здесь тихие...».

Разве Пушкин остался в русской литературе как автор «Евгения Онегина» или Лермонтов как автор «Героя нашего времени», Достоевский как автор «Преступления и наказания», Толстой как автор «Войны и Мира», Чехов и далее по списку?! Нет, нет и нет. И ещё раз хочу подчеркнуть: Борис Васильев, во-первых, не останется, а давным-давно, ярко (по Гамбургскому счёту, по определяющим началам русской литературы) вошёл не как автор «Зорь», а как классик великой русской литературы. Не иначе. Ещё раз сошлюсь на Э.А. Рязанова, который очень талантливо (кратко, цельно, ясно) написал о своём Друге и десятилетия назад, подметив творческую силу Бориса Васильева: «Стало ясно, что на авансцену нашей культуры вышел великий писатель...»

Талантливые, выдающиеся, великие, но одно определение в отношении Бориса Васильева узаконилось, многие годы утверждается всеми, общепризнанно - Классик русской литературы.

Борис Васильев - замечательный Человек, но он, прежде всего, превосходный Писатель.

Присутствовавший на восьмидесятилетии Б.Л. Васильева М.С. Горбачёв передал ему адрес, где в сжатой, достойной и прекрасной форме дал оценку Юбилюру: «...верный высоким моральным принципам. История Вашей жизни - история нравственного выбора мужественного и мудрого человека. Пожалуй, главное в жизни - быть нужным людям... на Ваших потрясающих произведениях... Думаю, не ошибусь, назвав Вас классиком военной прозы».

Если чуточку видоизменить слова моего высокочтимого старшего Друга Михаила Сергеевича Горбачёва, то получится классиком русской литературы, а не военной прозы, но ещё более предпочтительнее назвать классиком отечественной литературы, так как многие соотечественники из бывших республик Советского Союза считают его своим классиком, а Россию своей Родиной, по меньшей мере, литературной. Тем более известно отношение Бориса Васильева к причислению его творчества к военной прозе: «Я не отношу к себе термин "военная драматургия", "военная проза". Я всегда старался писать о человеке. Человеке в экстремальных условиях».

В самые последние годы жизни он перестал надевать сапоги, которые он любил носить на протяжении десятилетий, реже стал гулять или даже выходить во двор. В одну из встреч самых последних лет он - тихо, как-то извиняясь - сказал: «Я уже ничего не пишу». «Живите созерцанием», - в тон ответил ему. Одно время он увлёкся телевидением, которое ранее не смотрел. Зоря Альбертовна сказала, что Борис Львович увлёкся просмотрами фильмов. «Смотрит всё подряд», - заметила она.

Вскоре рассказал близкому Другу Карену Шахназарову о пристрастии почтенного Старца «ко всяким телевизионным фильмам». Благороднейший К.Г. Шахназаров прислал ему Мосфильмовскую фильмотеку.

Свыше десяти лет назад Борис Васильев ездил в Санкт-Петербург. По приглашению ректора Гуманитарного университета профсоюзов Александра Запесоцкого выступал перед студентами, где много говорил об интеллигенции.

Но прежде чем перейти к этой теме, сделаем одну ремарку. В конце встречи Запесоцкий, обращаясь к Б.Л. Васильеву, спросил: «Не является ли такой строгий, суровый писатель-прозаик в глубине души романтиком и мечтателем до сих пор?» Писатель ответил: «Грешен, батюшка, грешен». Во-первых, если ты романтик и мечтатель, то это навсегда, ну, а во-вторых, не будь он романтиком и мечтателем, не было бы и его книг.

На той встрече, если память не изменяет, одна из студенток назвала Бориса Васильева символом русской интеллигенции.

Мой великий Друг Даниил Александрович Гранин, который, по мнению многих людей, является совестью русской интеллиген-

ции, в своём интервью отметил, что Борис Васильев отличался от многих наших писателей удивительной порядочностью, просто щепетильной порядочностью потомственного офицера.

Борис Васильев - один из носителей духа, гена русской интеллигенции.

Б.Л. Васильев считал, что без интеллигенции нация просто не может существовать. Для него - это дрожжи народа.

Д. А. Гранин вслед за Б.Л. Васильевым считает, что интеллигенции как критерия правил поведения, порядочности, совести нации - нет.

Многие представители интеллигенции ушли в иной мир, другие уехали, а такие светочи, как Гранин или академик Ю.А. Рыжов, - в преклонном возрасте. Со всеми с ними мне приходилось не раз говорить на эту тему.

Действительно, наступило время (верю, оно уйдёт), когда в стране отпала необходимость в интеллигенции, да и её самой почти не осталось как носителя морали и нравственности, думаю, что и в этих «сентенциях» мы уже не нуждаемся - вот, где кроются многие факторы нашей деградации.

Реанимировать силу нашей страны возможно лишь при одном условии - возрождении русской (читай российской. - *И. У.*) интеллигенции. Борис Васильев верил в появление новой интеллигенции. Он считал, что интеллигенцию предстоит создавать. Нет-нет, легонько корректирую, она возродится самостоятельно... Как птица феникс. Обращаясь тогда к студентам, он сказал о времени «собираения камней». И он ушёл с мыслью, что новая интеллигенция возьмёт на себя тяжёлый крест нравственного возрождения народа.

Эльдар Александрович Рязанов завершает свою статью о Б.Л. Васильеве словами: «Боря никогда ни к чему не приспособливался, он был таким, как его прекрасные книги. Был истинным джентльменом в самом высоко смысле этого слова и не отступался от своего благородного пути... Он был солдатом до последней капли крови...»

Ушёл великий Спасатель, великий Писатель, великий Человек Земли Русской.

Сердце и душа разрываются от печали и радости. От печали, что Васильевых нет, от счастья, что был им близок.

Нет-нет, ничего для них не делал, а просто любил их, а в ответ - в первый же день знакомства - они признали меня своим другом... И на все времена.

Если человек воспринимает
вас с вдруг возникающей
любовью, значит вы обрели друга.

Борьке и маме другу
Иве Уришву с
огромной благодарностью за
возрожденное и искреннее
чувство.

Ваш Б. Васильев 23.11.02.

Я горю и горько-горько плачу в тоске печальной по моим горячо любимым: Зоре Альбертовне и Борису Львовиче Васильевым...